

Никита Рыбаченко

Система

Списки прекрасного глубоко индивидуальны, но только одна вещь на всем свете считается объективно лучшей – конец рабочего дня. В конце рабочего дня Арсений собирает все свои вещи и идет домой.

Он думает о прошедшем дне. Больше всего усталости ему подарила бухгалтерша Аня, которая то и дело подойдет к столу и вздохнет «Арсений» почти на ухо. Пахнет от нее миндалем, но не как от гангрены, а как от ореха. Улыбается она странно, будто рада его видеть. Иногда как развернется своими златокудрыми волосами, так прятаться надо. Арсений не понимал, почему его так раздражает Аня: потому что он влюбился или потому что она дура? Впрочем, какая разница?

Его одолевали мысли. Страшно представить, сколько всего ты успеваешь прожить за один день, но еще страшнее понять, сколько всего ты не прожил. Вот сегодня принтер бумагу зажевал – ужасное зрелище. А если бы не зажевал? Что Арсений делал бы тогда? Неопределенность вселяет неуверенность, а неуверенность – это бич общества. Так он думал.

Нескончаемое уставание было его спутником. Просыпаешься утром полным сил и энергии, весь день ее разбазариваешь, чтобы вечером лечь спать. Откуда нам знать, такое же у нас количество энергии на следующий день или меньше? Мы ведь по прошествии сна и не поймем. Арсений думал, что каждый день он тратит себя, чтобы на следующий день потратить еще немного, а потом еще. Но что от него останется в конце? Он чувствовал себя вселенной – со стороны кажется, будто она бесконечна, но по сути просто расширяется до неизвестного предела. Настанет момент – и произойдет хлопок.

Каждый поход домой сопровождался страхом оценить. Не буквально, родить щенка, а какого-то эфемерного чувства затхлости. Слово само по себе странное и ощущения вызывает такие же, а значит, и сам процесс малоприятный. Оцениться – это получить новый, но сразу заскорузлый повод для тоски. Придумать его! Арсений хотел закончить этот день, как и любой другой, радужно, с восторгом от происходящего, но постоянный страх оценить забивал голову.

Маршрут не менялся. На работу мы идем дорогой для прощания: вдоль широкополосных дорог, потому что там шумно. Машины давали знать Арсению, что он не один, а запах дыма из выхлопных труб навевал приятные детские воспоминания об отдыхе на природе. Дорога домой лежала через дворы. Когда Арсений шел по ним, он чувствовал себя очень близким к людям во всех этих квартирах, но одновременно очень далеким.

Суперпозиционное одиночество давало почву для воспоминаний о будущем. Жена, дети? Может быть. Он помнил, что когда-то надо будет жениться. Но эта картинка всплывала в памяти только во дворах. На работе он просто был. Полупривидение. Такой же принтер, только зажевывает не бумагу, а булочки из столовой. И иногда говорит с коллегами, но сугубо об отдыхе. Когда отдыхаешь, можно разговаривать исключительно о работе, иначе как-то не дельно выходит. Так было заведено.

Но по-настоящему Арсений боялся не своего чувства к бухгалтерше и не оценить, не одиночества во дворах и упадка сил, не теоретической жизни и похода на работу снова – он боялся тишины. Раз или два его голову заполняла непробиваемая пустота. Чувство, при котором все вокруг спешно теряет смысл, а легкие начинают наполняться водой, и больше нечем дышать. Он захлебывался в собственной беспомощности. Это было по-настоящему страшно.

Арсений соблюдал ритуалы. Подходя к своему подъезду, он всегда обещал себе: «Если завтра наступит, то я обязательно его проживу». Каждый раз он врал. Еще ни разу ни одно «завтра» не было им прожито. Исключительное существование. Но это не угнетало, ведь сама идея, что он пообещал, давала повод продолжать.

Любая система однажды сбивается. В этот раз все изменилось. Зайдя в квартиру, Арсений надолго задумался, после, не разуваясь, пошел в спальню, лег на кровать. И больше он никогда не вставал.